

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт всеобщей истории Российской академии наук

А.Б. Давидсон

Письма
с мыса
Доброй Надежды

Издательский дом
Высшей школы экономики

Москва 2017

УДК 94(680)
ББК 63.3(6Южн)
Д13

Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-01-00305 «Историческое примирение в мировой истории: от Древнего мира до наших дней»)

Р е ц е н з е н т:
доктор исторических наук,
профессор Департамента международных отношений НИУ ВШЭ
И.В. Кривушин

Д13 **Давидсон, А. Б.** Письма с мыса Доброй Надежды // А. Б. Давидсон ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 348, [4] с. — 300 экз. — ISBN 978-5-7598-1204-3 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1627-0 (e-book).

Когда-то мыс Доброй Надежды называли «морская таверна» на пути из Европы на Восток. Для русских кораблей — на пути из Петербурга к Владивостоку и Русской Америке. А в наши дни? Чем интересен Юг Африки? Почему важно знать события в этом далеком краю земли?

Автор жил там годами, на переломе истории Южно-Африканской Республики, и старался понять значение этого опыта для всего мира.

Для историков, политологов, культурологов, студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей Южной Африки.

УДК 94(680)
ББК 63.3(6Южн)

На обложке — фотография Кейптаунского университета (из архива автора)

Опубликовано в Издательском доме Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

ISBN 978-5-7598-1204-3 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1627-0 (e-book)

© Давидсон А.Б., 2017

Содержание

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА	5
ПЕРВАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ЮАР	13
«Манит, звенит, зовет, поет дорога...»	20
Впечатления	30
НА ДАЛЬНИХ И БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ	39
На дальних...	42
Поворот — все вдруг	43
Унесенные ветром	44
После двадцатилетнего перерыва	55
Чего, казалось бы, лучше! Но...	56
После визита Никсона	59
Москва встречает африканцев	61
Встреча с КГБ	64
Окрики	66
Южноафриканцы вновь здесь	69
Ссылаться на архив не разрешим!	71
Не сможете вы нас защитить!	74
«Прочь от национальной гордыни!»	80
Россияне зарубежья — африканисты	85
Из стран соцлагеря	87
На 53-м году жизни	89
Расспросить не удалось	90
Русский охотник — следопыт	92
С Арбатовым, Примаковым, Рокфеллером	94
В Йельском университете	104
КРУТЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ	107
Символ миротворчества	111
Добрый урок современному миру	123
ГОДЫ У МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ	127
В Кейптаунском университете	130
Создание Центра российских исследований	132
Работа Центра	137

Клуб Совы	146
Кейптаун — Архангельск — Мурманск.....	147
Южноафриканская кровь — советским раненым	149
«От советских летчиков — лучшему другу».....	151
Русские книги на Лонг-стрит.....	154
Знакомство с русской культурой.....	160
Русский клуб.....	182
О чем спрашивали? Что волновало?	188
Знакомые, родные голоса	199
Невеселое собрание	203
НАХОДКИ	211
Когда тут услышали о нашей стране?	213
Наши путешественники не забыты	215
Русское имя в южноафриканской энциклопедии	217
Бур в Бутырке.....	218
Южноафриканцы — георгиевские кавалеры	223
Приемный сын Горького — посол де Голля	224
Тут и их помнят?	225
Совсем уж неожиданная находка	232
Тоже неожиданное	241
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ.....	243
У истоков иммиграции	245
Салтыков-Щедрин, Толстой, Лесков в Кейптаунском университете	249
Почему сюда ехали?	252
Слуга России.....	262
А после 1917-го?.....	267
ПЕРЕКЛИЧКА С КНИЖНЫМИ ОБРАЗАМИ ДЕТСТВА.....	275
Африканский Киплинг	277
Конан Дойл в непривычной роли.....	283
«Черчилля, мертвого или живого!..»	292
Марк Твен в Клубе Совы	313
И ВСЕ-ТАКИ — КАК ЖЕ СЛОЖНО!.....	319
Именной указатель	329

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

Perestroika comes to Soshanguve

Irina Filatova foto JANVIE GAGIANO

Apollon Davidson foto CAPE TIMES

Статья в газете *The Citizen* от 7.12.1989 г.
о приезде И. Филатовой и А. Давидсона

Читателя может удивить: как это автор, публикуя книгу в научном издательстве, осмелился опираться на свои письма как на источник? Ну добро бы, письма великих людей...

Представленные письма — свидетельства очевидца поразительных событий. Я оказался в Южно-Африканской Республике, когда ее судьба круто повернулась.

Этому государству предрекали самую страшную межрасовую схватку за всю историю человечества. Многие политики и политологи считали, что африканцы отомстят миллионам «белых», потомкам выходцев из Европы, за их почти четырехсотлетнее господство. И там действительно были призывы: «Всех белых — в океан!», «Убей бура!», «Убей фермера!». Были стихи о жизни «в аду белого человека»:

Чтобы я опрокинул пламя
На тех, кто меня бросил в пекло,
Чтоб я мог увидеть, как страшно
Извивается, корчится враг мой...¹

В Англии вышла книга «Вихрь перед бурей» — о массовых выступлениях, которые, как считалось, открыли путь к буре. Книгу издали и в Москве².

Но бури не произошло. Не было даже погромов. Нашлись лидеры, которые смогли договориться сдержать самых разъяренных. И в конечном счете страна мирно перешла на другие рельсы. Нет, раем она не стала. Накопленные столетиями расовые противоречия исчезнуть не могли. Но страшного кровопролития избежала.

¹ Линии наших рук. Из поэзии стран Юга Африки. М.: Наука, 1983. С. 104.

² Брукс Алан, Брикхил Джереми. Вихрь перед бурей. М.: Прогресс, 1984.

Какой великий пример для современного мира, для стран, где полыхают расовые, национальные, религиозные распри!

Тогда, четверть века назад, мир недостаточно оценил эти события, недостаточно в них вглядывался. Ведь это были годы окончания холодной войны, годы распада Советского Союза... Конечно, это привлекало куда больше внимания, чем Южная Африка.

Из нашей страны увидеть и понять то, что происходит там, было особенно трудно. Не только из-за дальности в тысячи километров. И не только потому, что все наше внимание занимал тогда распад собственной страны, Советского Союза.

Была и причина очень давняя, она-то больше всего и мешала нам понять Южно-Африканскую Республику.

Из всех областей мира Юг Африки, наверно, был самым недоступным для нас, россиян. Никто из нас не мог повидать мыс Доброй Надежды, Кейптаун, Трансвааль... Побывать в стране, простирающейся от Атлантического океана до Индийского и далеко в глубь Черного материка. Самом экономически развитом государстве Африки.

Почему? У властей ЮАР не было никаких связей с Советским Союзом: ни дипломатических, ни культурных, ни общественных. Только взаимная неприязнь.

Автор этой книги попал в Южно-Африканскую Республику через 41 год после того, как еще студентом стал заниматься ее историей. Через 41 год! В наши дни такое звучит неправдоподобно.

И — еще неправдоподобней! Я все равно повидал эту страну первым из всех, кто в СССР изучал Южную Африку. Мои старшие коллеги и учителя там так и не побывали.

Это было в 1989 г. В ЮАР — еще прежний расистский режим. Нельсон Мандела еще в тюрьме, уже 27 лет.

Затем, в 1991–1998-м, почти все время я провел в ЮАР. Видел эту страну на переломе собственной истории, когда она сумела избежать кровавой гражданской войны и дала всему миру урок миролюбия и миротворчества.

Был я там по приглашению нескольких университетов. Организовал Центр российских исследований в Кейптаунском университете, был его директором и членом университетского сената.

Встречался с политиками и учеными. Бывал на многочисленных митингах, где обсуждали, по какому пути должна идти страна, как ее народам уживаться друг с другом.

Встречался и с нашими соотечественниками. Еще к началу Первой мировой войны на Юге Африки жили почти сорок тысяч выходцев из России. Потом — новые притоки. Нашел следы давних русских путешественников на мыс Доброй Надежды. Следы участия российских добровольцев в Англо-бурской войне. И следы Киплинга, Конан Дойла — тех, по чьим книгам еще в детстве узнавал о мысе Доброй Надежды и прилегающих землях. Нашел и память о Черчилле: ведь именно с тех мест и начался взлет его карьеры.

Находясь там, я все время вспоминал, какие же представления об этом крае были в нашей стране в советские времена, когда он был нам недоступен. Вспоминал о тех людях, которые годами, десятилетиями изучали Юг Африки из нашего далека, за тысячи километров, так и не сумев увидеть его своими глазами. Вспоминал о судьбах этих людей. Их образы, уверен, помогают явственней разглядеть и в прошлом нашей страны что-то немаловажное.

Вспоминал, как мой интерес к Африке начался еще в детстве со стихов Гумилева «о дальних загадочных странах». Как я читал лекции о Южной Африке в МГУ. И нашим дипломатам в конце 1950-х, когда в Министерстве иностранных дел создавался Отдел Африки. И перед приехавшими в Москву деятелями запрещенного в ЮАР Африканского национального конгресса — партии, которая тогда боролась против расистского режима, а с 1994-го является правящей партией в ЮАР. И все это приходилось делать, не повидав страну своими глазами.

Правительство ЮАР наградило меня в 2011 г. «Орденом соратников Оливера Тамбо», многолетнего президента Африканского национального конгресса. Конечно, я признателен за высокую награду. Но я не участвовал в политической борьбе на Юге Африки. Был свидетелем, старался понять, проанализировать происходящее там. За это я и получил когда-то похвалу от Нельсона Манделы³.

Из Южной Африки я писал письма в Москву. Какие-то из них печатал московский журнал «Эхо планеты». Даже открыл для

³ Speech by President Nelson Mandela at the opening of the Centre for Russian Studies at the University of Cape Town 17 August 1994 // Russia in the Contemporary World. Proceedings of the first Simposium in South Africa at the Centre for Russian Studies, University of Cape Town 17–19 August 1994. Cape Town: Centre for Russian Studies, University of Cape Town and The Marvol Foundation, 1995.

них рубрику: «Письма с мыса Доброй Надежды». Продолжение их — эта книга. Свидетельства очевидца и попытка осмысления тех судьбоносных событий. И вместе с тем — свидетеля тех перемен в понимании образа Африки, которые десятилетиями происходили в нашей стране. Эти перемены говорят не только об Африке, но о и нас, о России.

...Когда-то Иван Гончаров был на мысе Доброй Надежды, всего месяц. И все-таки: «Жаль было нам уезжать... мы пригреблись к этому месту... Мне уже становилось жаль бросить мой 8-ой номер, Готтентотскую площадь, ботанический сад, вид Столовой горы...»⁴. И это — в письмах, подписанных: «Обломов».

Прожив там годы, я, конечно, рад был бы передать читателю и обаяние тех мест. Вдруг вы решите их повидать? А если уже побывали, не сравните ли свои впечатления с моими? Разумеется, моя книга не об этом. И все же — хотя бы мельком, между строк, пробьется и это чувство...

Я, повторяю, видел эту страну на переломе ее судьбы. Когда она была, как говорили, «на острие ножа», на волосок от кровавой гражданской войны.

Каждый год летал, иногда по несколько раз, из Москвы в ЮАР и обратно. И невольно сопоставлял события. Годы-то Девяностые! Там — переход власти «от белых к черным». Говорят — «Конец Белой Африки». А у нас — распад Советского Союза.

Как-то обобщить впечатления мне, естественно, хотелось. Но время, силы, занятость...

Сейчас, во втором десятилетии двадцать первого века, убеждаешься, насколько важно то, что видел в той далекой стране. И видишь теперь. Какие же жаркие споры идут сейчас, во все бóльшем числе стран, о том, как быть, когда миллионы африканцев и азиатов переселяются в Европу. Как жить бок о бок людям разных рас?

А если глянуть и еще шире? Мы живем в постимперском, постколониальном мире, где две основные группы государств. Одна — поменьше — те, что создавали колониальные империи. Другая — намного больше — те, что были из поколения в поколение колониальными или зависимыми. У первой не исчезла но-

⁴ Гончаров И.А. Письмо Льховскому 2/14 апреля 1859 // Литературный архив. М.; Л., 1931.

стальгия по былому имперскому величию. У второй — обиды, горечь (оправданная, а иногда и надуманная) за свою униженность.

В ЮАР часть населения происходит из одной группы, часть — из другой. Разве и этот опыт не заслуживает внимания?

* * *

На Западе модной стала психогеография: как влияют на человека те места, где он живет те, что он видит в своих путешествиях, и те, о которых думает, мечтает. Возникла и геопоэзия — и появились те, кто обосновывают ее с научных позиций, — роль старых и новейших мифов о тех или иных местах на нашей планете Земля. Пришлось мне познакомиться и с этим.

Но я не претендую на широкое академическое обобщение. Просто немудреный рассказ о том, что легло на душу. Правда, говорят: если от души — то: или проповедь, или исповедь. Не хочу и этих громких слов.

Так уж получилось, что моя жизнь связана с далеким краем, мысом Доброй Надежды. Поначалу даже просто с этим названием. Наверно, у каждого есть что-то похожее, связанное с такой доброй надеждой? Дальние земли, красоты природы, неизвестная жизнь. Их романтика, их мифы, их необычность, их недоступность. И в то же время какая-то связь с нами.

Жизнь — это плаванье
В дальние края.
Песни прощальные,
Гавани дальние.
В жизни у каждого
Сказка своя.

Так сказал наш современник. И другой, тоже известный, вторил ему:

И сердцу снятся, пока что снятся
Другие страны и города.

Но что это я всё только о романтике? Разве лишь с ней связаны для нас далекие края?

Да, Гумилева в дальние края зовет Муза Дальних Странствий.
Но эта ли муза и у Окуджавы?

А дальняя дорога
Дана тебе судьбой.
Как матушкины слезы,
Она всегда с тобой.

А как насчет нашего «куда Макар телят не гонял»? И — «пошли в места отдаленные»? Муза ли Дальних Странствий повеле-
ла моей маме произвести меня на свет не в Москве, а в ссылке, в
сибирской таежной деревне?

Нет, не буду о грустном. А то еще вспомнится: от тюрьмы да
от сумы не зарекайся. И подумаешь: отжила эта русская пословица
свой век или еще нет?

В краях, куда меня звала Муза Дальних Странствий, я пови-
дал и тех, кого занесла туда недобрая судьба.

В Европе раздаются стоны: как трудно ужиться с наплы-
вом миллионов азиатов и африканцев. А в Африке Каддафи с гор-
достью публично повторял, как он выгнал из Ливии всех белых и
требовал, чтобы вся Африка сделала то же самое.

А у нас. Слово «черные» — отнюдь не только об африканцах.
И «понаехали»...

Опыт ЮАР заслуживает изучения и понимания. Там уже три
с половиной столетия живут люди разных рас. Вместе с *черными*-
африканцами, четыре миллиона *белых*, больше трех миллионов
цветных (людей смешанной крови), миллион индийцев. Накоплен
многолетний опыт межрасовых отношений.

Уверен, что это должно волновать всех, кто задумывается
над расовой проблемой, которая с каждым годом тревожнее для
всего мира.

Потому и льщу себя надеждой, что мой опыт знакомства с
Южной Африкой — опыт всей моей жизни — может пригодиться.

ПЕРВАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ЮАР

From Russia with love

By Ronel Scheffer

AN EARLY – and controversial – Christmas gift to the political and academic community in South Africa was the visit by noted Soviet academics Irina Filatova and Apollon Davidson in the first weeks of December.

Two delightful (but very much non-nonsense) characters, the history professors and African specialists at Moscow State University quickly gained a reputation in the press for being "difficult". If they were politically less outspoken than some expected, they were certainly far too circumspect in their approach for the liking of most.

After a week in Johannesburg, which included a baptism of fire from forthright questioners at a public meeting, the two opened a press conference in Cape Town with an unusual request. Would the journalists present "please ask original questions", pleaded an exasperated Davidson.

The first Soviet academics to visit the

out clearly denouncing or rejecting them as mistakes. In the Soviet Union, this break with the past had occurred and, as historians, they felt that the De Klerk government would need to follow suit if its reforms were meant to be radical.

In their experience, open discussion in the media was a necessary first step to overcome the social difficulties resulting from bad policies of the past. In the Soviet Union, this has in fact accelerated the process of coming to terms with past mistakes, says Davidson.

And the mistakes of socialism? The Soviet Union's response is to develop and improve socialism, which is still very popular and regarded as the only system which is able to provide social justice. "Perestroika has nothing to do with capitalism, the issue is how to develop and improve socialism," said Filatova.

Davidson added that whereas the origins of capitalism go back several centuries, the history of socialism has just begun and its journey is a very difficult one. "In the

Filatova and Davidson face the press in Cape Town.

Russians academics, Professor IRINA FILATOVA and Professor APPOLON DAVIDSON, arrived in South Africa, yesterday for a two week visit as guests of Idasa.

Russia interested more in a political solution for SA

Статьи в журнале *Die Suid-Afrikaan* (февраль 1990 г.)
о визите в ЮАР И. Филатовой и А. Давидсона

Первая делегация из нашей страны приехала в ЮАР в декабре 1989 г. и пробыла там больше двух недель. Делегация — два человека. Оба — профессора-историки: Ирина Ивановна Филатова, заведующая кафедрой африканистики МГУ, и я, заведующий сектором Африки Института всеобщей истории Академии наук.

До нас в тех краях была делегация из нашей страны — на 60 лет раньше, в 1929-м. Тоже два человека. Геологи. Н.М. Федоровский и И. Мушкетов. Приезжали в Преторию на Международный конгресс геологических наук. Тогда это был Южно-Африканский Союз. Страна стала Южно-Африканской Республикой лишь через 30 лет. Во время Второй мировой войны Советский Союз с ЮАС установил консульские отношения. Южноафриканское консульство в СССР так и не было создано, а советское существовало с 1942 по 1956-й, когда его потребовали закрыть наиболее расистские политические силы — те, что в 1948 г. ввели в стране режим апартхейда⁵.

С тех пор у СССР отношения были не с официальными властями этого государства, а с теми, кто против них боролся: с Южно-Африканской коммунистической партией (ЮАКП) и Африканским национальным конгрессом (АНК). Эти партии выступали против режима апартхейда и были официально запрещены в стране. А члены партий, вынужденные оказаться в эмиграции, бывали в СССР регулярно и подолгу. А советским гражданам путь в Южную Африку был закрыт. В.Н. Тетёкин, ныне депутат Государственной Думы, а прежде сотрудник Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, писал, что ЮАР «была для нас, советских граждан, столь же недоступна, как обратная сторона Луны»⁶.

⁵ Расистская политика, проводившаяся с 1948 г. В российских СМИ принято написание: апартеид. Но слово «апартхейд» не из английского языка, а из африкаанс — языка африканеров (буров). — *Здесь и далее примеч. авт.*

⁶ *Тетёкин В.Н.* Африканист. М.: ЭТО-Принт, 2011. С. 9.

Но в конце 1980-х ситуация стала стремительно меняться. Первопричина — конец холодной войны и связанные с этим перемены во всем мире. Холодная война десятилетиями определяла и общую международную обстановку и жизнь большинства (если не всех) государств. И в 1989-м она завершилась.

В Советском Союзе — перестройка с ее достижениями и трудностями.

В самой ЮАР кризис политики апарtheidа становился явным. С Африканским национальным конгрессом приходилось считаться. Он получал все большее признание на Западе. В 1986-м США и западноевропейские страны ввели ряд экономических санкций против ЮАР.

Возникший в 1983 г. Объединенный демократический фронт (ОДФ) добивался все большего влияния и с пониманием относился к АНК. Проходили встречи представителей АНК с либеральной белой интеллигенцией и бизнесменами.

Необходимость серьезных перемен начали понимать и правящие круги. Несколько законов апарtheidа были отменены. Вскоре была освобождена из тюрем и лагерей первая группа лидеров и активистов АНК. Популярность Нельсона Манделы, который еще находился в заключении, росла, и с Манделой расширились переговоры, начатые еще раньше.

Все это сказывалось и на отношении ЮАР к Советскому Союзу. Стали возможны визиты в нашу страну известных либеральных деятелей.

В сентябре 1987 г. в Москве провел десять дней Андре Бринк, один из самых известных писателей ЮАР. Союз советских писателей пригласил его на Московскую книжную ярмарку. Его принимали в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки, в Московском университете, в Университете дружбы народов. Его очерк «С Красной площади», который он опубликовал, вернувшись домой, стал первым в южноафриканской печати подробным свидетельством южноафриканца о нашей стране. Бринк писал, что он не «столь наивен», чтобы верить всему, что слышал в Москве. Но все же главное — «южноафриканца, такого как я» поражало то, что увидел: «это было куда более красивым и впечатляющим, чем знакомые стереотипные образы “коммунистического мира”».

Бринк с недоверием отнесся, когда ему говорили, что советские войска были введены в Будапешт в 1956 г., в Прагу в 1968 г. и, позднее, в Афганистан «для защиты наших границ». В целом встречи поразили его своей открытостью. Бринку дали возможность задавать любые вопросы, вплоть до самых каверзных, и большинство ответов он счел искренними и интересными. Побывал он и в моем доме. Меня уже давно привлекало творчество этого писателя — с начала 1980-х переводы его романов выходили в Москве с моими вступительными статьями.

Вслед за Бринком в Москву приехал известный журналист Алистер Спарк, а в 1988 г. — Фан Зейл Слабберт и Алекс Борейн, создавшие Институт демократической инициативы. Приходили ко мне домой, были дружеские беседы. Затем, зимой 1988–1989 гг., я повидал Борейна в Америке, участвовал в его встрече с американской общественностью. С Ириной Ивановной Борейн виделся и в Москве, и в октябре 1988-го в немецком городе Леверкузене — на встрече представителей Африканского национального конгресса с либеральной интеллигенцией.

В Америке Алекс Борейн познакомился с участниками Южно-африканской программы Йельского университета. И сказал мне о возможности приглашения в ЮАР. Вскоре он вернулся в ЮАР, я — в Москву.

Тем временем ситуация в ЮАР, особенно в последние месяцы 1989 г., менялась все быстрее и круче. В сентябре 1989-го президентом ЮАР стал Фредерик Виллем де Клерк, выступавший за глубокие реформы. Сам его приход был вызван тем, что политика апартхейда зашла в тупик. Это стало очевидным уже и для правящей верхушки ЮАР. Становилось очевидным, что будет снят запрет с Африканского национального конгресса и Панафриканистского конгресса, введенный в 1960 г., и с компартии, введенный десятью годами раньше. Ясно было, что придется освободить Нельсона Манделу и других политзаключенных.

Надвигались перемены и во внешней политике ЮАР. Они переплелись с переменами внешней политики СССР в горбачевской перестройке. Куба, Ангола и ЮАР 22 декабря 1988 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке подписали соглашение, сенсационное для тех времен. Договорились, что из Анголы уйдут и вторгшиеся туда войска ЮАР, и кубинские военные отряды, которые

были посланы для противодействия южноафриканцам. Это соглашение открыло путь к независимости Намибии.

Конечно, все понимали, что это соглашение было бы невозможно без предварительного урегулирования советско-американских споров по всем этим вопросам. Советско-американские переговоры шли в 1988-м несколько месяцев. Они не только привели к некоторому успокоению ситуации на Юге Африки — они были, пожалуй, вообще первым ощутимым результатом смягчения советско-американских отношений конца 80-х годов прошлого века. Вместе с тем они открывали возможность и для установления государственных контактов ЮАР с Советским Союзом и странами Восточной Европы — контактов, которых не было уже несколько десятилетий. Готовился визит Рулофа Боты, министра иностранных дел ЮАР, в Будапешт (он состоялся в январе 1990-го).

* * *

В этой обстановке руководство Института демократической инициативы и решило сделать такой шаг: пригласить делегацию из Москвы и организовать серию встреч с южноафриканской общественностью.

Приглашение пришло осенью 1989 г.

Почему выбор пал на нас?

Думаю, оттого, что мы — не политики, не состоим на государственной службе, даже не члены коммунистической партии и наш приезд не носит политического характера. Изучаем проблемы Южной Африки, значит есть основа для встреч, обсуждений и с общественностью ЮАР, и с учеными.

Приглашение прислал Алекс Борейн. Но, конечно, это было решение его коллег.

Тут стоит немного сказать об Алексе Борейне, чтобы понять, какие люди решили пригласить первую делегацию из Москвы, поскольку его общественно-политическая судьба типична для многих деятелей этого института и вообще для Объединенного демократического фронта.

Алекс Борейн родился в 1930 г., начинал свою деятельность как пастор методистской церкви. В 1965-м вступил в Прогрессивную партию. В этой партии, наиболее демократичной из всех, допущенных в парламент, ему поручили устанавливать связи и со-

трудничество с организациями африканцев, цветных и индийцев. Он в первую очередь занялся вопросом: как улучшить жизнь и работу небелых шахтеров в горной промышленности.

Дважды отказывался баллотироваться на выборах в парламент. Затем на выборах в 1974, 1977 и 1981-м годах проходил в парламент, причем со все возрастающей поддержкой избирателей. В парламенте он старался добиться законов об улучшении условий труда в горной промышленности и в этом заметно преуспел.

В 1986-м в знак протеста против карательных мер правительства во время восстания африканцев в Соуэто он отказался от парламентского мандата и отправился за границу собирать средства для создания организации, которая должна выступить за демократические реформы. Ему удалось получить общественную поддержку и внутри страны, и за рубежом. Удалось собрать материальные средства. И он помог Фан Зейлу Слабберту создать Институт демократической инициативы Южной Африки (ИДАСА). Провозглашенная цель: отвергнуть политику апархеида и найти пути к демократическому развитию.

Борейн добивался проведения встреч ряда общественных деятелей ЮАР, в том числе парламентариев, с Африканским национальным конгрессом и другими официально запрещенными организациями. Такие встречи невозможно было проводить в самой ЮАР, и они состоялись за ее пределами: в Лусаке (Замбия) в 1985-м, затем в Дакаре (Сенегал), в Париже, в Леверкузене (Германия) и других местах.

* * *

Официально ехать в качестве научной делегации нам было нельзя: ООН объявила бойкот научным связям с ЮАР. Так что мы могли поехать лишь от общественной организации — от Комитета солидарности стран Азии и Африки. Хотя и у нас, и в ЮАР было понятно, что мы — в первую очередь — историки-африканисты.

Одного лишь приглашения по тем временам было мало. Требовалась санкция Международного отдела ЦК КПСС (хотя мы беспартийные). В Международном отделе отнеслись с пониманием. Потребовалось согласие АНК. Оно немедленно пришло. Но дело на этом не закончилось. Потребовалось согласие ОДФ. Я написал письмо в Лусаку тем, кому я в Москве читал когда-то лекции по истории

Африки. Пришла поддержка от ОДФ, вопрос был окончательно согласован. И согласие Международного отдела ЦК получено.

Программа поездки — насыщенная. По дороге туда и обратно — Замбия, Зимбабве, Ботсвана. Две недели в самой ЮАР: Йоханнесбург, Претория, Кейптаун, Дурбан, Порт-Элизабет, университетские города Грейамстаун и Стелленбош. Посещение Соуэто и других *черных* тауншипов. Посещение *шантитаунов*, городских поселений африканской бедноты. Встречи с наиболее известными общественными деятелями. Участие в собраниях и митингах.

Фантастика! Что-то небывалое! Сколько наших старших коллег мечтали о такой поездке! Ни один из них — тех, кто изучал Южную Африку, так и не повидал ее своими глазами. Не довелось побывать на Юге Африки ни Эндре Шикю, который написал в 1929 г. первую программу развития африканистики в нашей стране, ни А.З. Зусмановичу и И.И. Потехину — тем, кто вместе с Э. Шиком на рубеже 1920–1930-х гг. изучали Южную Африку и преподавали студентам, приезжавшим оттуда в Москву. Не побывали там ни В.Я. Голант, опубликовавший свою первую статью в 1940 г., а затем переведивший на русский язык наиболее интересные зарубежные книги о Южной Африке, ни Д.А. Ольдерогге — патриарх отечественной африканистики. Все они ушли из жизни, так и не увидев страну, которой занимались много лет. В 1989 г. были еще живы И.П. Ястребова, изучавшая экономику Южной Африки с конца 1930-х гг., М.Б. Рабинович, защитивший диссертацию об истории Южной Африки в 1941 г., А.Л. Витухновский, защитивший в 1949 г. диссертацию «Россия и Англо-бурская война». Но, узнав потом о нашей поездке, радовались, что нам так повезло в том, о чем они и мечтать не могли.

«Манит, звенит, зовет, поет дорога...»

Вылетели из Москвы 3 декабря 1989-го. Как раз накануне, 2 декабря, Михаил Горбачев и Джордж Буш объявили о завершении холодной войны.

И все замелькало, как в калейдоскопе: бесконечные перелеты, перезды, встречи, интервью.

4 декабря. Лусака — столица Замбии. Здесь находится штаб-квартира АНК, запрещенного в ЮАР. Встреча с его руководством —

Альфредом Нзо, будущим министром иностранных дел в правительстве Манделы, и другими членами исполкома АНК; с руководителями департаментов АНК. С Джо Слово, генеральным секретарем Южно-Африканской компартии.

5 декабря. Встречи с членами Национального исполкома АНК Палло Джорданом и Джосайей Джеле. (Джордан впоследствии, после прихода АНК к власти, стал министром культуры и образования). Нзо, Слово и Джеле мы знали — в Москве они бывали, и подолгу. С Джорданом встретились впервые. В Москве он не бывал. В 1960-м его отец, Арчибальд Джордан, хотел вместе с семьей приехать в Москву, но его не приняли, припомнив ему якобы троцкистское прошлое в 1930-х. Так что Палло получил образование в Соединенных Штатах.

В тот же день мы встретились с сотрудниками советского посольства в Лусаке. Затем перелет в Зимбабве. Там надо было получить визу в ЮАР. В СССР получить ее, естественно, было нельзя, так как не было дипломатических отношений. В Зимбабве посла и консула ЮАР нет, однако экономические связи существовали, хотя и не афишировались. У Зимбабве и выхода не было: импорт и экспорт страны издавна шел через порты ЮАР. Существовали и другие связи, так что в Хараре работало экономическое представительство ЮАР, которое выполняло и дипломатические функции и выдавало визы.

Мы пришли к торговому представителю. Фамилия его была Нел (имени не помню), по национальности африканер. С визами проблем не было. Очевидно, Нел уже получил инструкции из Претории. Но решил преподать мне урок африканерской истории: «А Вы знаете, что мой народ, восстав против британского колониализма, стал первым в истории всемирной антиколониальной борьбы?»

Я ответил: «Глубоко уважаю ваш народ. Но ведь жители английских колоний в Северной Америке поднялись против британского господства задолго до событий в Слахтерс-Нек».

Он был поражен, что в России знают название Слахтерс-Нек (в том месте в 1815 г. было первое выступление буров против англичан). Для буров оно значит очень много, но за пределами ЮАР особой известности не получило.

На этом встреча закончилась. Но в тот же день — вторая встреча. Обед в респектабельном Хараре-клубе, где часто обедали и

представленные в Зимбабве дипломаты. Мы оказались там потому, что советское посольство устроило нас в гостиницу при Хараре-клуб.

Мы уже обедали, когда пришел Нел и собирался сесть за соседний столик, где сидели его сотрудники или знакомые. Увидев меня, обомлел. Очевидно, он никому не говорил, что встречался с советскими и даже дал им визы. А тут, поди ж, придется объяснять. И он нашелся — слегка кивнул мне: «Хеллоу, мистер Джонс».

Сел и больше уже в нашу сторону ни разу не посмотрел.

Вечер 5 декабря и весь следующий день были заполнены встречами.

* * *

Назавтра — наконец ЮАР. Йоханнесбург. На аэродроме уже ждут журналисты. Да не только они! Буквально толпа. Даже наши соотечественники — россияне — из разных волн эмиграции.

Как же, сенсация! Первая делегация из СССР! Интервью прямо тут же, в аэропорту, под громкие объявления: «Самолет из Виндхука прилетает...», «Рейс на Лондон объявляется...». Вопросы сыплются — и про Горбачева, и про политику СССР на Юге Африки, и про Анголу...

О нашем приезде южноафриканские газеты сообщали заранее. Даже о Центре африканских исследований Института всеобщей истории и о кафедре африканистики МГУ, где мы работали. Что мы там делаем, чем интересуемся, на что обращаем внимание в ЮАР. И не только английские газеты. Одна из африканерских газет за неделю до нашего приезда дала большую статью «Первые русские приезжают в Южную Африку» с подробными сведениями о нас обоих, о Комитете солидарности, о численности студентов из Азии и Африки, обучающихся в Москве. Наших фотографий на южноафриканской земле, естественно, еще не могло быть. Дали фотографию Ирины Ивановны с Дженни Борейн, женой Алекса Борейна, оставшуюся у Дженни со времени ее визита в Москву⁷.

Интервью, которые мы дали на аэродроме, да и потом, появлялись в газетах зачастую под одним и тем же заголовком: «Из

⁷ Vrye Weekblad. Johannesburg, 1989. Dec. 1.

России с любовью» (название популярной тогда на Западе и в ЮАР книги о Джеймсе Бонде). Наверно, многие по ней и составляли представление о России, как когда-то молодые россияне узнавали о Юге Африки по романам Буссенара, Хаггарда и Жюль Верна. В ЮАР она была довольно долго запрещена, видимо, из-за названия. Теперь этим названием газетчики привлекали внимание к нам.

Еще до нашего приезда в газетах появилось объявление:

Публичный митинг ИДАСА

Перестройка: что это означает в Советском Союзе?

Как это повлияет на Южную Африку?

Советские ученые

Профессор Давидсон Аполлон,

Профессор Ирина И. Филатова

Из Московского университета

Выступят

Место проведения: Зал Сената, 6

Витватерсрандский университет

Дата: четверг, 7 декабря

Время: вечером, в 7:30

На митинг пришли 300–400 человек. Больше двух часов мы отвечали на вопросы. В аудитории царят взволнованное возбуждение и доброжелательность. Ни одного враждебного вопроса, ни одного недоброго замечания. Ведь само наше появление в стране подтверждало, что наступают перемены, режим отступает. Собралась публика, близкая к ОДФ. Пришли узнать, расспросить да и просто впервые посмотреть на людей из России, которых правительство десятилетиями представляло монстрами. Спрашивали обо всем, но больше всего интересовала перестройка и изменения в политике СССР.

Чтобы не сорвать программу и увести нас на следующие мероприятия, организаторы пустились на хитрость: они продолжали что-то говорить и объявлять, а нам сказали: «Выходите и бегите к машине, а то вас отсюда не выпустят». Мы вышли и побежали. Слушатели, поняв, что происходит, ринулись за нами. Эта сцена до сих пор стоит перед глазами: мы бежим по длинному пустому коридору, а за нами бегут люди, которые еще что-то хотят спросить, уточнить. Уже у машины нас нагнала пара русских эмигрантов.

Они успели лишь сунуть мне в руку записку с номером своего телефона и просьбой позвонить. Мы им позвонили, потом встретились, поговорили.

Всех встреч за три с половиной дня в Йоханнесбурге и не перечислить: разумеется, с коллективом ИДАСА, с руководством ОДФ, с лидерами радикальных организаций черного населения. С Уолтером Сисулу и Ахмедом Катрадой, лидерами АНК, которых только что освободили после многолетнего заключения. В дом Сисулу все время шла толпа, как в храм. Этот человек был исполнен достоинства и дружелюбия. Он очень интересовался изменениями в СССР и, несмотря на занятость, провел с нами много времени. Потом мы поговорили с его женой Альбертиной. Она была одним из «патронов» ОДФ. В присутствии мужа держалась на заднем плане, но произвела впечатление сильной, мужественной и мудрой женщины.

Встречи с известными общественными деятелями либерального направления. С региональным руководством женской либеральной организации «Черные шарфы». С Хелен Сузман, видным политиком из Демократической партии, с руководством этой партии, с директором Института расовых отношений Джоном Кейн-Берманом, с журналистом Алистером Спарксом, с известной писательницей Надин Гордимер (вскоре она стала лауреатом Нобелевской премии по литературе), с видными религиозными деятелями, выступавшими против апарtheidа, прежде всего с Бейерсом Нодие.

Естественно, встречи в университете: на кафедре социологии и в Центре политических исследований, которым заведовал социолог Лоренс Шлеммер. Он предложил нам задавать также свои вопросы. О будущем Южной Африки ответы давали чернокожие преподаватели и ученые. Их было тогда еще мало, и все они были молоды. Головы присутствовавших неизменно поворачивались к ним, как только речь заходила о том, что ожидается в ближайшем будущем.

На следующий день после нашего приезда в Витватерсрандском университете, одном из крупнейших университетов ЮАР, началась Конференция за демократическое будущее. 4462 делегата от 2138 организаций самого различного характера: общественно-политических, профсоюзных, региональных, даже спортивных. Организована она была ОДФ. И хотя сама эта организация была уже запрещена, представители ее присутствовали на подиуме.

Считалось, что делегаты представляют 15 млн жителей ЮАР. Зулусская партия Инката, с которой у ОДФ шла в провинции Натал настоящая война, на конференции представлена не была. Основная идея конференции — протест против режима апарtheidа и обсуждение возможностей будущего демократического развития.

Важнейший из принятых документов — декларация. В ней говорилось, что ЮАР должна найти выход из «хаотичного» состояния.

«Правление меньшинства стоит у власти вопреки воле большинства; оно преступно угнетает наш народ; экономика полностью разрушена; страдания нашего народа растут с каждым днем — безработица, низкая зарплата, высокая плата за жилье; ужасные условия жизни...

Неприемлемо никакое правительство меньшинства; апарtheid должен быть полностью упразднен; должна быть создана объединенная, демократическая, нерасовая Южная Африка; мы будем продолжать сопротивление апарtheidу, не повиноваться ему и активно ликвидировать его любой ценой».

Для осуществления этих идей декларация призывала:

«Активизировать все части общества — черных и белых — для объединенных действий всех сил, борющихся против апарtheidа.

Добиваться максимального единства этих сил и продолжать требовать, чтобы международное сообщество усилило свои действия для изоляции правительства де Клерка».

Широкая поддержка этих требований, в том числе и за рубежом, делала конференцию исторической.

В обширном отчете о конференции, опубликованном в газете *New Nation*, отмечались выступления двух иностранных участников: «Заместитель министра иностранных дел Норвегии Кнут Волленбек зачитал заявление о поддержке его страны, а советский профессор Ирина Филатова заявила о поддержке советского народа»⁸.

Нашему участию в этой конференции и во встречах в Витватерсрандском университете печать уделила большое внимание. Множество цитат из выступлений, наши фотографии, мелькали

⁸ A New Era dawns // *New Nation*. 1989. Dec. 15–19. P. 6–7; *Sunday Star*. 1989. Dec. 10. P. 2.

слово «гласность»: «Южноафриканцы получили на этой неделе своевременный урок гласности в Витватерсрандском университете, когда советские граждане обращались в этой стране к публичному митингу впервые с 1950-х гг.»⁹.

Рассказывалось, как на одной из встреч нам напомнили о взаимных обвинениях, которыми обычно обменивались марксисты с приверженцами других идеологий, и хотели втянуть нас в спор. Но «профессора терпеливо выслушали все это и продолжили отвечать с невозмутимой откровенностью», и наши ответы сопровождались аплодисментами.

В газете привели, например, мои слова, что изучение многих проблем Советского Союза «помогло нам лучше понять эти проблемы и в их южноафриканском контексте»¹⁰.

Нас провезли по Соуэто, самому большому тауншипу для африканцев. Показали дом Манделы, в котором он жил до ареста. Поразило, насколько ситуация в Соуэто контролировалась ОДФ: без сопровождения мы бы никуда не попали и ничего не увидели бы. Удивило, насколько неодинаков достаток жителей. Конечно, там не было тех вилл с бассейнами и садами, которые мы видели в белых районах, но все же, помимо нищих лачуг, были и хорошие дома.

* * *

10–12 декабря — Претория, столица. Участие в публичном митинге в африканском тауншипе Сошангуве. Там нас впервые спрашивали, коммунисты ли мы. После митинга молодежь долго танцевала воинственный танец той-той под песни, прославлявшие коммунистов.

В Сошангуве мы заночевали в доме одной семьи. Дом большой: три спальни, гостиная, ванная (где, правда, не было горячей воды), гараж. Приняли нас гостеприимно, детей отправили спать в гараж, чтобы освободить для нас место. Спросили, как мы живем в Москве. Мы честно рассказали: комнат меньше, но и обитателей меньше, есть горячая вода, но нет гаража. Позже мы узнали, что нам не поверили: ведь в стране социализма все должно быть неизмеримо лучше.

⁹ A New Era dawns...; Sunday Star...

¹⁰ Ibid.

Побывали в индийском поселке, весьма, по нашим понятиям, зажиточном, и в поселке для беженцев из Мозамбика. Как бы ни было плохо положение африканцев в ЮАР, туда все-таки приезжали в поисках работы и убежища люди из соседних стран, где по разным причинам было хуже.

Беседовали с сотрудниками Института Африки, с преподавателями заочного Университета Южной Африки. Побывали в отделе Восточной Европы МИД ЮАР.

В Доме-музее Крюгера увидели подарки, которые посылали из России бурам во время Англо-бурской войны. Огромную братину — чашу для вина вместе с большими листами добрых пожеланий бурам. На листах — подписи десятков тысяч россиян.

Посмотрели и на гордость буров — памятник фуртреккерам — бурам, которые в трудных походах осваивали эти места.

И в Йоханнесбурге, и в Претории нам хотелось повидать очень многое. Все-таки Йоханнесбург — центр экономики, промышленности и торговли всей Южной Африки. Да и на всем Африканском континенте — крупнейший. И город буквально построен на золоте. С 1886-го, с открытия здесь крупнейших в мире месторождений золота, началась та золотая лихорадка, тот массовый приток людей со всего мира, который привел к созданию Йоханнесбурга и стремительному росту промышленности. А Претория — важнейший научный и культурный центр. Сколько же памятников прошлого, сколько интересных музеев в обоих этих городах! Но времени посмотреть у нас не было. Нас ждали новые поездки, новые встречи, новые выступления.

* * *

12–16 декабря — Кейптаун.

Как я мечтал в детстве повидать этот город! Ведь мы, школьники, пели песню «В Кейптаунском порту». Слышал, что сочинил эту песню такой же ленинградский школьник, только чуть постарше. Начитался я стихов Киплинга, романов Райдера Хаггарда, Луи Буссенара. Читал и «Фрегат Паллада» Гончарова — его зарисовки о Кейптауне.

И попав сюда, хотел пройти по крепости — она построена еще до нашей Петропавловской. Погулять по улицам, по которым еще в начале 1770-х ходили российские ссыльные, бежавшие с

Камчатки. А потом — кто только по ним не ходил! Моряки с кораблей, которые плыли из Кронштадта в Русскую Америку. Российские добровольцы, решившие помогать бурам в Англо-бурской войне. Здесь англичане лечили Гучкова, которого они же в той войне и ранили.

Но, конечно, времени толком поглядеть город у нас не было.

Жили в самой знаменитой гостинице Maunt Nelson («Гора Нельсона»). Администратор не преминул сообщить, что там оставались Уинстон Черчилль, его тетя Сара, которая приехала в Кейптаун еще раньше, Артур Конан Дойл, Редьярд Киплинг и другие знаменитые англичане.

Снова пресс-конференции. Встреча с сотрудниками центрального аппарата ИДАСА. Встреча с ректором Университета Западного Кейпа. Семинар «Африканистика в СССР» в Центре южноафриканских исследований Кейптаунского университета. Встреча с руководительницей «Черных шарфов». Газета *Cape Times* сразу же откликнулась на наш приезд благожелательной статьей¹¹.

13 декабря в магазине «Кларкс», крупнейшем книжном магазине Кейптауна, устроили презентацию английского издания моей книги «Сесиль Родс и его время», вышедшей в Москве только что — в конце 1988-го.

14 декабря часть дня провели в Стелленбошском университете, одном из лучших университетов ЮАР, рядом с Кейптауном. Там состоялся публичный митинг. На вечере у профессора Вилли Брейтенбаха познакомились с профессорами Йоханом Дехенаром, Янни Хахиано и другими. Встретились с писательницей Линой Спиз. Ее рассказы уже переводили на русский язык и издавали в СССР.

Познакомились с Филиппом Нелом, директором Центра советологических исследований университета. Нам говорили, что он тесно связан с властями и работает на военную разведку. Но книги и журналы Нел издавал объективные, и Центр под его руководством был активен и вел неплохую работу.

Из Стелленбоша — опять в Кейптаун. 15–16 декабря — поездки по тауншипам и шантитаунам Ньянга, Каелитша, Лусака, Кроссрудс и другим. Сюда без военизированного сопровождения молодежи ОДФ мы бы не могли попасть.

¹¹ *Cape Times*. Cape Town, 1989. Dec. 10.

Странное это было зрелище: к главному входу шикарного Maunt Nelson подъезжал разбитый грузовичок с парнями от 15 до 20 лет в военизированных одеяниях, многие — с оружием. Грузовичок ехал за нашей машиной или впереди нее, и по тауншипам мы ходили в сопровождении этой молодежи. Это была и защита, совершенно не лишняя, и контроль: что мы делаем, куда идем, с кем говорим.

В одном из шантитаунов впервые заглянули внутрь лачуг. Поразила не бедность — она была ожидаема, — а ужасный воздух и количество мух. Бич шантитаунов — антисанитария. Ни одного дерева...

* * *

16–18 декабря — Порт-Элизабет. По приезде в гостиницу поздно вечером администратор сказал нам: «Должен вас предупредить. Видите вон ту машину? Машина с нездешним номером и с незнакомыми людьми. Они приехали вчера и остановились напротив ваших окон. О себе никак не дают знать. Будьте осторожны». А как быть осторожными? Что делать? Так что ночь была тревожной. Но ничего не произошло.

На следующий вечер — публичный митинг в помещении ИДАСА. Начался он с того, что один из пришедших заявил: «Организация Объединенных Наций и весь мир объявили академический бойкот ЮАР. Мои друзья, ученые из Америки, не могут приехать. А как вы тут оказались, зачем приехали?»

Обстановка сразу накалилась. Но встал Мкхусели Джек, один из руководителей ОДФ в Порт-Элизабет, и резко ответил, что ОДФ отменил для нас бойкот. Затем все пошло как обычно, как в других городах: вопросы, ответы, свободное обсуждение. (Через несколько лет мы случайно встретились с человеком, задавшим этот вопрос. Преподаватель музыки, он был тогда обижен тем, что были трудности с приглашением его друзей, американских ученых, но против нас лично ничего не имел.)

18 декабря — университетский городок Грейамстаун, Университет Родса, небольшой, но влиятельный — его иногда называли «южноафриканский Оксфорд». Там был проведен семинар с историками, состоялись беседы с заведующим кафедрой истории Родни Давенпортом, с Питером Вейлом и другими преподавателями.

В тот же день — опять Порт-Элизабет. Встреча с Гованом Мбеки и Раймондом Мхлабой. Оба — только что освобожденные

лидеры АНК. Мбеки к тому же историк, одну из его работ перевели в СССР. Он — отец Табо Мбеки, ставшего впоследствии президентом ЮАР. Но последние перемены в политике СССР у них, в отличие от Сисулу, вызывали недоумения.

По плану ИДАСА мы должны были ехать из Порт-Элизабет в провинцию Натал, в город Дурбан, но вместо этого вернулись в Кейптаун. Ситуация была для нас непростой. В плане визита стояла встреча с Бутелези, лидером зулусской партии Инкаты. Но ОДФ, а потом и АНК, вели борьбу против Инкаты за влияние в стране зулусов. Встретиться с Бутелези значило обидеть ОДФ. А поехать в Дурбан и не встретиться с ним — невозможно. Бутелези был в провинции Натал крупнейшей политической фигурой.

Мы решили спросить у правительства разрешения на встречу с Нельсоном Манделой, который был еще в тюрьме: если разрешат увидеть его, то, по крайней мере, ОДФ не сможет упрекнуть нас в том, что мы встретились с лидером Инкаты, не повидав лидера АНК. Но встречу с Манделой нам не разрешили, так что пришлось пропустить Дурбан.

19–21 декабря мы провели в Кейптауне, 21–22 декабря — снова в Йоханнесбурге. Встречи, беседы, пресс-конференции. Снова беседовали с Надин Гордимер. Встречались с Д. Кейн-Берманом, директором Института расовых отношений. (Впоследствии мы оба стали членами этой неправительственной организации).

Добрые дружеские проводы на аэродроме. И домой...

Впечатления

За две недели мы побывали почти во всех крупнейших городах, во всех крупнейших университетах, повидали крупнейшие пригороды для африканцев и трущобные поселения. Почти ежедневно выступали на массовых собраниях и многолюдных конференциях. Неизгладимое впечатление произвел Уолтер Сисулу, один из самых известных лидеров АНК, его лишь несколькими неделями раньше выпустили после многолетнего заключения. Какое же достоинство и отсутствие озлобленности!

Познакомились с теми анковцами, кого только что освободили вместе с Уолтером Сисулу: Гованом Мбеки, Раймондом Мхлабой, Ахмедом Катрадой.

Встречались с лидерами Демократической партии, Капской лиги действия, организаций «Черные шарфы» и «Черное самознание».

Сколько интересных людей! Кто-то, как показалось, был вполне откровенен, кто-то сдержан. В Соуэто и других африканских поселках прямо говорили о своих невзгодах. Фан Зейл Слабберт и Кейн-Берман анализировали расовую проблему ЮАР. Надин Гордимер откровенно говорила и об этом, и о судьбах своих предков в России, которым приходилось жить в черте оседлости. Писатель Джон Куцие (ему, как и Надин Гордимер, позже дали Нобелевскую премию) больше молчал, но, как нам говорили, это была его обычная манера держаться: мыслями он предпочитал делиться в своих романах.

Бесконечные перелеты, переезды, собрания, выступления, встречи не дали времени, возможности толком ознакомиться с теми городами, в которых мы побывали, прочувствовать особенности их облика, вдоволь налюбоваться.

Не могу сказать, что влюбился в Йоханнесбург, важнейший промышленный центр всей Африки. Бурный, шумный. Очень деловой. Претория, хоть и столица, куда спокойней. В каких-то кварталах, улицах, даже чем-то патриархальна, сохранила дух девятнадцатого века.

Но Кейптаун! Он сразу стал одним из моих любимых городов. Столовая гора, старинная крепость, многообразная архитектура. Два океана! Мыс Доброй Надежды!

Я знал, что времени выкупаться у меня не будет, но все же, приехав в гостиницу, первым делом спросил: «А где у вас тут поплавать?» «Да где хотите. До Атлантического на машине пятнадцать минут. Но там вода холоднее. А до Индийского минут тридцать».

Может, с этого и началась моя любовь к этому городу, хотя выкупаться тогда так и не удалось.

А в целом страна — какой мы ее видели с самолета, из автомобиля, — поразительно хороша. Горы, которые так и зовут взобраться, поглядеть с их высоты. Долины рек. На сотни километров — вельд (по нашему — степь). Невиданные у нас деревья. Пингвины.

Но все это, повторяю, лишь мельком, одним глазом, второпях...

Двух недель бесконечно мало, чтобы разобраться всерьез. Ведь встречались в основном с интеллигенцией. Бывали в Соуэто и других тауншипах. Но всегда накоротке, да и общение зачастую через переводчиков с языков коса или зулу. А буров-фермеров вообще не видели.

Молодая женщина, активистка молодежного крыла Трансваальского отделения ОДФ говорила нам: «Переговоры — это не захват власти. А мы хотим всю власть». По ее словам, африканская молодежь не хотела переговоров и была убеждена, что победа не за горами, если АНК даст им достаточно оружия.

Так что воинственные настроения, конечно, были. Перед нами, иностранцами, их не демонстрировали, наверно, из-за опасений перед властями, полицией. За собраниями, митингами, которые устраивались в связи с нашим приездом, полиция, конечно, следила. Да и не только полиция. Ведь мы — иностранцы, и главное — из СССР.

Все же общее впечатление составилось. Но сложное. В моей голове издавна — пророчества европейских политологов: ЮАР похожа на котел с раскаленной гремучей смесью, и его наглухо держит тяжелая крышка. Стоит ей хоть чуть-чуть сдвинуться, и произойдет взрыв. Гнев черного населения, накопившийся столетиями против белых, яростно выплеснется на угнетателей, и тут уж им не позавидуешь.

Я помнил это пророчество. Но в те немногие минуты, когда оказывался на улице не в автомобиле, а в толпе прохожих, не чувствовал в глазах африканцев ненависти к себе как к белому. Наоборот, встретишься с ними глазами, и они улыбнутся тебе.

Так-то так. Но ведь и в России, бродя по улицам Москвы или Петербурга в 1917-м, можно ли было предвидеть, что совсем вскоре почти все помещичьи усадьбы будут сожжены, и зачастую самими крестьянами? Что начнется гражданская война, и миллионы погибнут или покинут страну?

Отрадно уже то, что ненависти к нам я не увидел. А ведь мы были посланцами из страны, против которой пропаганда десятилетиями нагнетала неприязнь. Не только в первые дни, но и во все время нашего визита относились к нам на удивление доброжелательно как люди, с которыми мы встречались, так и пресса.

Вот из статьи в самом влиятельном еженедельнике: «Это из Советского Союза первые, кто за последние сорок лет выступили на публичном митинге в Южной Африке. В Претории и Йоханнесбурге они встречались с большими группами ученых из ЮНИСА, Ранд африкаанс юниверсити и университетов Претории, Западного Кейпа, Стелленбоша и Кейптауна. Они встречались и с обитателями тауншипов, членами различных организаций.

По словам Давидсона и Филатовой, они вынесли впечатление, что Южную Африку и Советский Союз, при всех их различиях, «объединяет многоплановость и сложность их проблем»... Филатовой аплодировали стоя, когда она обращалась в Витватерсрандском университете к Конференции за демократическое будущее»¹².

Наше пребывание омрачил уход из жизни Андрея Дмитриевича Сахарова. Это произошло 14 декабря, на исходе первой недели нашего пребывания. И сразу же вопросы о нем. Мы увидели, что и в ЮАР, несмотря на явный недостаток информации, этот человек получил признание и уважение.

...Страна ждала крутых перемен. Какими они будут, никто не знал. Мы не узнали всего спектра мнений. Не встречались с министрами и вообще с деятелями властных структур. Не встретились с представителями радикально настроенных политических организаций как белых, так и черных. На встречах и обсуждениях, которые для нас устраивались, преобладала интеллигенция, прежде всего сотрудники университетов. Они не хотели вооруженных противостояний. Но все сходились на том, что переход власти к силам, боровшимся против апартхейда, неизбежен и близок.

Мы ясно видели, что некоторые сферы жизни страны уже контролировал ОДФ, тесно связавший себя с АНК. Его влияние и даже контроль — если не сказать власть, — были очевидны и в тауншипах, и в университетах. Свидетельство тому — и сам факт наших визитов туда и то, что эти посещения, встречи и беседы могли быть организованы. ОДФ в стране был тогда запрещен, и правительство арестовывало некоторых его лидеров. Но люди открыто говорили о нем или о его легальном преемнике — Массовом демократическом движении (МДД).

¹² Visiting Soviet Academics on the Changing Soviet Union // Weekly Mail. Johannesburg, 1989. Dec. 15.

* * *

О чем больше всего спрашивали на собраниях и встречах?

О нашей стране. Самое разное. Ведь никто из наших слушателей в Советском Союзе никогда не был (исключение: Алекс Борейн, Алистер Спаркс, Андре Бринк да, может быть, еще один-два человека). Никого из наших соотечественников не видели.

Вопросы — буквально обо всех сторонах советской жизни. Большинство — о переменах, о Горбачеве. События последних дней, животрепещущие и здесь, в Йоханнесбурге, Претории, Кейптауне. В дни нашего приезда в Йоханнесбурге все газеты обсуждали переговоры Михаила Горбачева с Джорджем Бушем на Мальте 2–3 декабря. Их встреча завершилась объявлением, что холодной войне пришел конец.

Подтекст, а то и открытый смысл вопросов... Как это может отразиться здесь, в Южной Африке? И вообще — как перемены в СССР могут сказаться во всем мире и тут, в Африке?

Иными словами: что такое перестройка и видим ли мы здесь «преториястройку».

Расспрашивали о связях Москвы с Африканским национальным конгрессом и Южно-Африканской компартией. Вопросы задавали сдержанно: ведь обе эти партии еще были под запретом. И было понятно, что большинство собеседников знают об этих партиях, в сущности, мало. Неудивительно. Мы в Москве многие годы встречались с политэмигрантами, лидерами обеих этих партий. А здесь, в самой ЮАР, у наших слушателей такой возможности не было. Так что многие имена, события, документы АНК и компартии — те, что были у нас, что называется, на виду и на слуху, оказались им внове.

Среди наших слушателей почти всюду были и выходцы из Советского Союза — давние и недавние иммигранты. Вопросы они обычно задавали уже после общей встречи, дав высказаться коренным жителям. Подходили, рассказывали о себе. И вопросы у них были несколько иные. Например:

— Вот 5 декабря СССР, Венгрия, Польша и Восточная Германия признали ошибкой ввод своих войск в Чехословакию в 1968 г. Что это может значить? Как это отразится вообще на взаимоотношениях внутри лагеря социалистических государств?

Были в Йоханнесбурге и выходцы из Прибалтики. Они хотели узнать подробности о массовых демонстрациях и митингах протеста, которые проводились 23 августа, в день 40-летия пакта Риббентропа—Молотова. И о той живой цепи протеста, которая окружила Эстонию, Латвию и Литву, длиной в 560 километров.

Главные вопросы:

— К чему это приведет? Например, в конце сентября Верховный Совет Литовской ССР объявил незаконным присоединение Литвы к СССР в 1940 г. А в октябре Народный фронт Латвии объявил, что добивается выхода из состава СССР. Чем это может кончиться? Будут ли репрессии против этого или нет?

— А цепочка-митинг вокруг здания КГБ на Лубянке в День политзаключенных, 30 октября, как это понять? И что такое общество «Мемориал», которое этот митинг организовало?

— А что значит указ Верховного Совета СССР о восстановлении советского гражданства Ростроповичу, Вишневской, Войновичу? И как это может отразиться на отношении Москвы к другим эмигрантам — к нам, тем, кто осел тут, в Южной Африке?

— А декларация Верховного Совета о признании незаконными и преступными репрессии против народов Кавказа и Крыма, которых в конце войны насильственно переселили в Среднюю Азию?

Могли мы на все это ответить? Тогда, в канун 1990-го, могли ли мы, да и вы, мои читатели, представить, что вот-вот произойдет ГКЧП, а затем наша страна распадется на пятнадцать республик? Для нас самих столько было неясного. Мы сами задавали себе эти вопросы. И не скрывали, что многое объяснить не можем. Эта откровенность, мне кажется, вызывала к нам доверие.

Мы были рады рассказать, что за последние месяцы изданы книги, которым раньше не давали дорогу. «Поэма без героя» Ахматовой, «Окаянные дни» Бунина, «Иван Чонкин» Войновича, «Крутой маршрут» Гинзбург, «Все течет» Гроссмана, воспоминания Надежды Мандельштам.

Южноафриканцы большинство этих названий слышали впервые, но наши бывшие соотечественники чуть ли не ликовали.

* * *

Две недели. Это и много, но и очень мало. И хотя мы буквально ни одной свободной минуты не потратили зря, все же раз-

ве поймешь жизнь огромной страны за две недели? И тем не менее мы как-то могли судить о состоянии настроений и умов. В то время вряд ли у кого в нашей стране были такие живые представления о ЮАР.

Уезжая, думали, побываем ли когда-нибудь опять? Увидим ли опять этих людей, а как хотелось бы!

23 декабря — Габороне (Ботсвана). Встреча с советским послом по фамилии Кривда.

24–25 декабря — Лусака. Встречи с Альфредом Нзо, Джо Слово и другими руководителями АНК, членами Национального исполкома, руководителями департаментов. Выступление перед сотрудниками нашего посольства в Замбии.

Вернулись в Москву под новый 1990 г. Что-то он принесет этой стране? И нашей!

...Наши интервью журналам продолжали публиковаться и после нашего отъезда. Большое интервью с нашими фотографиями — в февральском номере журнала *Die Suid-Afrikaan*. Один из вопросов:

— Каковы ваши впечатления о Южной Африке по сравнению с тем, что вы могли думать об этой стране до приезда сюда?

Я ответил:

— Читать — это одно, а увидеть своими глазами — совсем другое. Мы читали много книг о Южной Африке. Шантитауны нас поразили... и убеждают, насколько же общество тут расколото.

— А что вы увидели позитивного?

— Мы встретили многих, кто серьезно озабочен будущим страны, встретили таких людей с обеих сторон. По сравнению с тем, что обычно читали, намного больше людей — чем можно было ожидать, — стремятся сейчас глубоко понять происходящие перемены. Даже в шантитаунах, где условия жизни особенно трудны, мы слышали очень интересные и политически разумные мысли. Особенно в Сошангуве услышали от многих удивительно глубокие соображения.

Журнал дал этому интервью заголовок: «Перестройка приходит в Сошангуве»¹³.

¹³ Perestroika comes to Soshanguve // *Die Suid-Afrikaan*. Kaapstad, 1990. Febr. P. 44–48.

Могли ли мы составить вполне достоверное общее представление о происходящем в ЮАР и тем более — о возможных перспективах? Повидав эту страну в считанное число дней, когда и местные-то знатоки терялись в догадках?

И все же — мы увидели страну воочию. Услышали и увидели, как бурлят в ней общественные настроения и как стремительно это бурление нарастает.

...На пути домой снова и снова возвращались к мысли, что нам, в нашей стране, надо смотреть и пересматривать, как и из чего складывался и как менялся у нас образ этого африканского далека. Как бы ни было загружено встречами это наше путешествие, но из головы не выходило: с какими же представлениями мы ехали сюда? Насколько они похожи на то, что мы теперь увидели? И как эти представления складывались из десятилетия в десятилетие? И как они диктовались политикой «партии и правительства» и ее переменами. С причинами этих перемен. И с судьбами людей — бывало, очень трагичными.

Обо всем этом пришлось думать и по возвращении домой — снова и снова.

Contents

THE FIRST WITNESSES	5
THE FIRST SOVIET DELEGATION IN SOUTH AFRICA	13
«The Road Beckons, Calls, Rings, Sings...»	20
Impressions.....	30
DISTANT AND CLOSE APPROACHES	39
From Far-away... ..	42
The Turn Around — all of a sudden	43
Gone with the Wind.....	44
Twenty Years Later.....	55
What Could Be Better! But... ..	56
After Nixon's Visit.....	59
Moscow Meets Africans.....	61
Meeting with the KGB	64
Warnings.....	66
South Africans are Back Here	69
No References to the Archives!.....	71
You will Not Be Able to Protect Us!	74
«Away from National Hubris!»	80
Russian Émigrés in African Studies	85
From the Socialist Camp	87
At the age of 53.....	89
The Questions that Could not Be Asked	90
Russian Hunter — Pathfinder	92
With Arbatov, Primakov and Rockefeller	94
At Yale University	104
ABRUPT CHANGES UNDER THE SOUTHERN CROSS	107
The Symbol of Peacemaking	111
A Good Lesson to the Contemporary World.....	123
YEARS AT THE CAPE OF GOOD HOPE	127
At the University of Cape Town.....	130
The Creation of the Russian Centre	132
What the Centre Did.....	137

The Owl Club	146
Cape Town — Arkhangelsk — Murmansk	147
South African Blood — to the Russian Wounded.....	149
«From Soviet Pilots — to the Best Friend»	151
Russian Books on Long Street.....	154
Acquaintance with the Russian Culture	160
The Russian Club.....	182
What Did They Ask About? What Worried Them?	188
Familiar, Beloved Voices.....	199
The Sad Meeting	203
DISCOVERIES.....	211
When Did They First Hear about Our Country?	213
Our Travellers Are Not Forgotten	215
The Russian Name in the South African Encyclopaedia.....	217
A Boer in Butyrki.....	218
South African Companions of George's Cross	223
Gorky's Adopted Son — De Gaulle's Ambassador	224
Are Even They Remembered Here?	225
A Completely Unexpected Discovery.....	232
Also Unexpected.....	241
CONTEMPORARIES.....	243
At the Sources of Immigration.....	245
Saltykov-Shchedrin, Tolstoy, Leskov at the University of Cape Town	249
Why Did They Come Here?	252
In the Service of Russia.....	262
And After 1917?.....	267
ASSOCIATIONS WITH CHILDHOOD LITERARY IMAGES.....	275
African Kipling	277
Conan Doyle in an Unusual Capacity.....	283
«Churchill, Dead or Alive!..».....	292
Mark Twain at the Owl Club.....	313
AND STILL — IT IS REALLY COMPLICATED!	319
Index of Names.....	329

Davidson, Apollon B. Letters from the Cape of Good Hope [Text] / A. B. Davidson ; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE Publishing House, 2017. — 352 pp. — 300 copies. — ISBN 978-5-7598-1204-3 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-1627-0 (e-book).

The Cape of Good Hope used to be called “The Tavern of the Seas”, a waypoint on the route followed by ships from Europe to the Far East. For Russian ships it was a route from St. Petersburg to Vladivostok and Russian America. Why would South Africa attract us nowadays? Why is it important to know what is going on in this far-off land?

The author lived there for several years in the 1990s. At that time South Africa was going through a turning point in its history, and he tried to understand the meaning of this country’s experience for the rest of the world.

The book is intended for historians, political scientists, specialists in cultural studies, graduate and undergraduate students as well as those interested in the history of South Africa.

Научное издание

Давидсон Аполлон Борисович

ПИСЬМА С МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Н.В. Курпиянова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка: *Н.Е. Пузанова*

Корректор *Н.В. Курпиянова*

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 60×88 1/16

Бумага офсетная. Гарнитура «Newton». Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,3. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 300 экз. Изд. № 1795

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,

тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59